

ЛѢТОПІСЬ

СЕЛА ГОРОХИНА.

Званіе литератора всегда казалось для меня самыимъ завиднымъ. Родители мои, люди почтенные, но простые и воспитанные по старинному, никогда ничего не читывали, и во всемъ домѣ кромѣ азбуки, купленной для меня, календарей и Новѣйшаго Письмовника, никакихъ книгъ не находилось. Чтеніе Письмовника долго было любимымъ моимъ упражненіемъ. Я зналъ его наизусть, и не смотря на то, каждый день находилъ въ немъ новыя, незамѣченныя красоты. Послѣ генерала N. N., у которого батюшка былъ нѣкогда адъютантомъ, Кургановъ казался мнѣ величайшимъ человѣкомъ. Я разспрашивалъ о немъ у всѣхъ, и къ сожалѣнію никто не могъ удовлетворить моему любопытству, никто не зналъ его лично; на всѣ мои вопросы отвѣчали только, что Кургановъ сочинилъ Новѣйшій Письмовникъ; но это твердо зналъ я и прежде. Мракъ неизвѣстности окружалъ его какъ иѣкоего древняго поду-бога; иногда я даже сомнѣвался въ истинѣ

его существования. Имя его казалось мнѣ вымыслившимъ, и предаше о немъ пустою миою, ожидающею изысканій новаго Нибура. Однако же онъ все преслѣдовалъ мое воображеніе, я старался придать какой нибудь образъ сему таинственному лицу, и наконецъ рѣшилъ, что долженъ онъ быть походить на Земскаго Засѣдателя Корючкина, маленькаго старичка, съ краснымъ носомъ и сверкающими глазами.

Въ 1812 году повезли меня въ Москву, и отдали въ пансіонъ Карла Ивановича Мейера, гдѣ пробылъ я не болѣе трехъ мѣсяцевъ; ибо насъ разпустили передъ вступленіемъ непріятеля. Я возвратился въ деревню. .... (*)

Сія эпоха жизни моей столь для меня важна, что я намѣренъ о ней распространиться, заранѣе прося извиненія у благосклоннаго читателя, если во зло употребляю снисходительное его вниманіе.

День былъ осенний и пасмурный; — прибывъ на станцію, съ которой должно было мнѣ своротить на Горохино (такъ называлась наша деревня), наялъ я вольныхъ и поѣхалъ проселочною дорогой. Хотя я нрава отъ природы тихаго, но нетерпѣшіе увидѣть вновь мѣста, гдѣ провелъ я лучшіе свои годы, такъ сильно овладѣло мнѣ, что я поминутно погонялъ моего ямщика, то обѣщаю ему на водку, то угрожая побоями; и какъ удобнѣе было мнѣ толкать его въ спину, нежели вынимать и развя-

(*) Здесь въ рукописи недостаетъ пѣсолькихъ листовъ, не найденныхъ въ бумагахъ покойнаго, а можетъ быть еще и не написанныхъ! — Ред.

зывать кошелекъ, то признаюсь раза три и удариль его, что отъ роду со мною не случалось, ибо со словіе ямщиковъ, не знаю почему, для меня въ особенности любезно. Ямщикъ погонялъ свою тройку, но мнѣ казалось, что онъ, по обыкновенію ямскому, уговаривая лошадей и размахивая кнутомъ, все таки затягивалъ гужи. — Наконецъ я завидѣлъ Горохинскую рощу, и черезъ 10 минутъ вѣхалъ на барскій дворъ; сердце мое сильно билось; я смотрѣлъ вокругъ себя съ волненіемъ необыкновеннымъ; восемь лѣтъ не видалъ я Горохина. Березки, которыхъ при мнѣ посажены были около забора, выросли и стали теперь высокими, вѣтвистыми деревьями. Дворъ нѣкогда украшенный тремя правильными цвѣтниками, межъ которыхъ шла широкая дорога, усыпанная пескомъ, — теперь обращенъ былъ въ некоштный лугъ, на которомъ паслась бурая корова. Бричка моя остановилась у передняго крыльца. Человѣкъ пошелъ отворить двери, но они были заколочены, хотя ставни открыты и домъ казался обитаемымъ. Баба вышла изъ людской избы и спросила кого мнѣ надобно. Узнавъ, что баринъ прїѣхалъ, она снова побѣжала въ избу и вскорѣ вся дворня меня окружила. Я былъ тронутъ до глубины сердца, увида знакомыя и незнакомыя лица и дружески со всѣми ими цѣлуюсь: мои потѣшные мальчишки были ужъ мужиками, а дѣвчонки нѣкогда сидѣвшія на полу для посылокъ, замужними бабами. Женщинамъ говорилъ я безъ церемоніи: «какъ ты постарѣла.» — И мнѣ отвѣчали съ чувствомъ: «какъ вы-то, батюшка, подурнѣли!» Повели меня на

заднее крыльцо, на встречу мнѣ вышла моя кормилица и обняла меня съ плачомъ и рыданіемъ какъ многострадальнаго Одиссея. Побѣжали то пытъ банию. Поваръ, давно въ бездѣйствіи отrostившій себѣ бороду, вызвался приготовить мнѣ обѣдъ, или ужинъ — ибо уже смеркалось. Тотчасъ очистили мнѣ комнаты, въ коихъ жила кормилица съ дѣвушками покойной матушки. Такъ очутился я въ смиренной отеческой обигсли, и заснулъ въ той самой комнатѣ, въ которой за двадцать три года тому родился.

Около трехъ недѣль прошло для меня въ хлопотахъ всякаго рода: я возился съ Засѣдателями, Предводителями и всевозможными губернскими чиновницами. Наконецъ принялъ я наслѣдство и былъведенъ во владѣніе вотчиной. — Я успокоился, но скоро скука бездѣйствія стала менѣ мучить. Я не былъ еще знакомъ съ добрымъ и почтеннымъ сосѣдомъ моимъ **. Занятія хозяйственныя были вовсе для меня чужды. Разговоры кормилицы моей, произведенной мною въ ключницы и правительницы, состояли щетомъ изъ пятнадцати донашничъ анекдотовъ, весьма для меня любопытныхъ, но разсказываемыхъ ею всегда одинаково, такъ, что она сдѣлалась для меня другимъ *Новѣйшимъ Письмовникомъ*, въ которомъ я зналъ на какой страницѣ, какую найду строчку. Настоящій же заслуженный письмовникъ былъ мною найденъ въ кладовой, между всякой рухлядью, въ жалкомъ состояніи. Я вынесъ его на свѣгъ и принялъ было за него, но Кургановъ потерялъ для

меня прежнюю свою прелесть; я прочель его еще разъ и больше уже не открывалъ.

Въ сей крайности пришло мнѣ на мысль: не по-пробовать ли самому что нибудь сочинить? Благо-склонный читатель знаетъ уже, что воспитанъ я былъ на мѣдныя деньги.

Къ тому же быть сочинителемъ казалось мнѣ такъ мудрено, такъ недосягаемо; что мысль взяться за перо сначала испугала меня. Смѣль-ли я надѣяться попасть когда нибудь въ число Писателей, когда уже пламенное желаніе мое встрѣтиться съ однимъ изъ нихъ никогда не было исполнено? Но это напоминаетъ мнѣ случай, который намѣренъ я разсказать въ доказательство всегдашней страсти моей къ отечественной словесности.

Въ 1820 году, еще юнкеромъ, случилось мнѣ быть по казенной надобности въ П. б.; я прожилъ въ немъ недѣлю, и не смотря на то, что не было у меня здѣсь ни одного знакомаго человѣка, провѣль время чрезвычайно весело; каждый день тихонько ходилъ я въ театръ въ галлерею 4-го яруса. Всѣхъ актеровъ узналъ по имени, и страстно влюбился въ * * игравшую съ большимъ искусствомъ въ одно воскресенье роль Эйдаліи, въ драмѣ: *Ненависть къ людямъ и раскаяніе*. Утромъ, возвращаясь изъ Главнаго Штаба, заходилъ я обыкновенно въ низенькую конфетную лавку, и за чашкой шоколаду читалъ Литературные журналы. Однажды

сидѣль я углубленный въ критическую статью *Благонамѣреннаго*; вдругъ нѣкто въ гороховой шинель ко мнѣ подошелъ и изъ-подъ моей книжки, тихонько потянула листокъ Гамбургской газеты; я былъ такъ занятъ, что не поднялъ и глазъ. Незнакомый спросилъ себѣ бифстексу и сѣлъ передо мною; я все читалъ не обращая на него вниманія; онъ между тѣмъ позавтракалъ, сердито побраницъ мальчика за неисправность, выпилъ пол-бутылки вина и вышелъ. Двое молодыхъ людей тутъ же завтракали. «Знаешь-ли кто это былъ» сказалъ одинъ другому — «это В., сочинитель.» — Сочинитель, воскликнулъ я невольно — и оставя журналъ не дочитаннымъ и чашку не допитою, побѣжалъ расплачиваться, и не дождавшись сдачи, выбѣжалъ на улицу. Смотря во всѣ стороны увидѣль я издали гороховую шинель, и пустился по Невскому проспекту — только что не бѣгомъ. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, чувствуя вдругъ, что меня останавливаютъ; оглядываюсь, гвардейскій офицеръ замѣтилъ мнѣ: что - де мнѣ слѣдовало не толкнуть его на тротуаръ, но скорѣе остановиться и вытянуться. Послѣ его выговора, я сталъ осторожнѣе; на бѣду мою поминутно встрѣчались мнѣ офицеры, я поминутно останавливался,¹ а сочинитель все уходилъ отъ меня впередъ. Отъ руку моя солдатская шинель не была мнѣ столь тягостною, отъ руку эполеты не казались мнѣ столь завидными; наконецъ у самаго Аничкина моста догналъ я гороховую шинель: «позвольте спросить,» сказалъ я приславъ ко лбу руку, «вы г. В. коего прекрасныя статьи имѣлъ я счастіе

читать въ Соревнователь Просвѣщенія ? Никакъ нѣть, отвѣчалъ онъ мнѣ, я не сочинитель, а стряпчій; но В мнѣ очень знакомъ, четверть часа тому, я встрѣтилъ его у Полицейскаго мосту. Такимъ образомъ уваженіе мое къ Русской литературѣ стоило мнѣ 30 копѣекъ потерянной сдачи, выговора по службѣ и чуть чуть не ареста—и все даромъ.

Не смотря на всѣ возраженія моего разсудка, дерзкая мысль сдѣлаться писателемъ поминутно приходила мнѣ въ голову. Наконецъ, не будучи болѣе въ состояніи противиться влечению природы, я сшилъ себѣ толстую тетрадь и рѣшился съ твердымъ намѣреніемъ наполнить ее чѣмъ бы то ни было. Всѣ роды Поэзіи (ибо о смиренной прозѣ я еще и не помышлялъ), были мною разобраны, оцѣнены, и я непремѣнно рѣшился на эпическую поэму, почерпнутую изъ отечественной Исторіи. Не долго искалъ я себѣ героя — выбралъ Рюрика — и принялся за работу.

Къ стихамъ пріобрѣль я нѣкоторый навыкъ, переписывая тетрадки ходившія по рукамъ между нашими офицерами, именно: *критику на Московскій бульваръ, на Прѣсненскіе пруды, опаснаго состѣда и т. д.* Не смотря на то поэма моя подвигалась медленно, и я бросилъ ее на третью стихѣ. Я думалъ что эпическій родъ не мой родъ и началъ трагедію: Рюрикъ. Трагедія не пошла. Я попробовалъ обратить ее въ балладу — но и баллада какъ-то мнѣ не давалась. Наконецъ вдохновеніе озарило меня, я

началь и благополучно окончилъ: надпись къ пер-
трету Рюрика.

Не смотря на то, что надпись моя была не во-
все недостойна вниманія, особенно какъ первое про-
изведеніе молодаго стихотворца, однакожъ я почув-
ствовалъ, что не рожденъ поэтомъ, и довольство-
вался симъ первымъ опытомъ. Творческія мои по-
пытки, такъ привязали меня къ литературнымъ за-
нятіямъ, что я уже не могъ разстаться съ тетрадью
и чернильницей. Я хотѣлъ визойти къ прозѣ. На
первый случай не желалъ заняться предваритель-
нымъ изученіемъ, расположениемъ плана, скрѣпле-
ніемъ частей и т. п., я вознамѣрился писать от-
дѣльныя мысли, безъ связи, безъ всякаго порядка,
въ томъ видѣ какъ онѣ мнѣ станутъ представлять-
ся. Къ несчастію, мысли не приходили мнѣ въ го-
лову, и въ цѣлые два дня надумалъ я только слѣ-
дующее замѣчаніе:

«Человѣкъ не повинуюющійся законамъ разсудка,
и привыкшій слѣдовать внушеніямъ страстей, ча-
сто заблуждается и подвергаетъ себя позднему рас-
каянію.»

Мысль конечно справедливая, но уже не новая.
Оставилъ мысли, принялъся я за повѣсти, но не умѣя
сь непривычки расположить вымыщенное про-
изшествіе, я избралъ замѣчательные анекдоты, нѣ-
когда мною слышанные отъ разныхъ особъ, и
старался украсить истину живостію разсказа, а
иногда и цвѣтами собственнаго воображенія. Соста-
вляя сіи повѣсти, мало по малу, образовалъ я свой

слѣгъ и пріучился выражаться правильно, пріятно, и свободно. Но скоро запасъ мой истощился, и я сталъ опять искать предмета для литературной моей дѣятельности.

Мысль оставить мелочные и сомнительные анекдоты, для повѣствованія истинныхъ и великихъ произшествій, давно тревожила мое воображеніе. Быть судію, наблюдателемъ и пророкомъ вѣковъ и народовъ, казалось мнѣ высшою степенью, доступной для писателя. Какую исторію могъ я написать съ моей жалкой образованностью? Гдѣ не предупредили меня многоученые, добросовѣстные мужи? Какой родъ исторіи не истощены уже ими? Стану-ль писать исторію всемірную — но развѣ не существуетъ уже бессмертный трудъ аббата Милюта? Обращусь ли къ исторіи отечественной — что скажу я послѣ Татищева, Щербатова, Голикова? и мнѣ ли рѣчься въ лѣтописяхъ, и добираться до сокровенаго смысла обвѣтшалаго языка, когда не могъ я выучиться цыфрамъ Славянскимъ? Я подумалъ объ исторіи меньшаго объема, на пр. объ исторіи губернскаго нашего города; но и тутъ сколько препятствий для меня неодолимыхъ! Исторія уѣзднаго нашего города была бы для меня удобнѣе, но она не была занимательна ни для философа, ни для политика, и представляла мало пищи краснорѣчію. Единственное замѣчательное произшествіе сохранившееся въ его лѣтописяхъ, — есть ужасный пожаръ, случившійся десять лѣтъ тому назадъ, истребившій базаръ и присутственныея мѣста.

Нечаянный случай разрѣшилъ мои недоумѣнія. Ба-
ба, развѣшивая бѣлье на чердакъ, нашла старую кор-
зину, наполненную щепками, соромъ и книгами. Весь домъ зналъ охоту мою къ чтенію. Ключница
моя, въ то самое время, какъ я сидя за моей тет-
радью грызъ перо, и думалъ объ опыте сельскихъ
проповѣдей, съ торжествомъ втащила корзинку въ
мою комнату, радостно восклицая: книги! книги!—
«Книги!» повторилъ я съ восторгомъ, и бросился къ
корзинкѣ. Въ самомъ дѣлѣ, я увидѣлъ цѣлую груду
книгъ, въ зеленомъ и синемъ бумажномъ переплетѣ.
Это было собраніе старыхъ календарей. Се откры-
тіе охладило мой восторгъ, но все я былъ радъ не-
чаянной находкѣ, все же это были книги, и я ще-
дро наградилъ усердіе прачки полтиной серебра.

Оставшись на единѣ, я сталъ разсматривать свои
календари, и скоро мое вниманіе было сильно ими
привлечено. Они составляли непрерывную цѣпь го-
довъ отъ 1744 до 1799 т. е. ровно 55 лѣтъ. Синіе
листы бумаги, обыкновенно вплетаемые въ кален-
дари, были всѣ исписаны стариннымъ почеркомъ.
Брося взоръ на сіи строки, съ изумленіемъ увидѣлъ
я, что они заключали не только замѣчанія о пого-
дѣ и хозяйственныя щеты, но также и краткія ис-
торическія извѣстія касательно села Горохина. Не-
медленно занялся я разборомъ сихъ драгоценныхъ
записокъ, и вскорѣ нашелъ что онѣ представляли
полную исторію моей вотчины, въ теченіи почти
цѣлаго столѣтія, въ самомъ строгомъ хронологиче-
скомъ порядкѣ. Сверхъ сего заключали онѣ неисто-

щимъ запасъ экономическихъ, статистическихъ, метеорологическихъ и другихъ ученыхъ наблюдений. Съ тѣхъ поръ изученіе сихъ записокъ, заняло меня исключительно — ибо увидѣлъ я возможность извлечь изъ нихъ повѣствованіе стройное, любопытное и поучительное. Ознакомясь довольно съ драгоценными сими памятниками, я сталъ искать новыхъ источниковъ исторіи села Горохина; и вскорѣ ихъ обиліе изумило меня. Посвятивъ цѣлые шесть мѣсяціовъ на предварительное ихъ изученіе, наконецъ приступилъ я къ давно желаемому труду; съ помощью Божію совершилъ онъ сего Ноября 1827 года. Нынѣ какъ нѣкоторый, мнѣ подобный историкъ, коего имени я не запомню, оконча свой трудный подвигъ, кладу перо, и съ грустію иду въ мой садъ размышлять о томъ, что мною совершино. Кажется и мнѣ, что написавъ исторію Горохина, я уже не нуженъ миру, что долгъ мой исполненъ, и что пора мнѣ опочить.

Здѣсь прилагаю списокъ источниковъ, послужившихъ мнѣ къ составленію исторіи Горохина: 1.) Собрание старинныхъ календарей 55 частей. Первые 20 частей исписаны стариннымъ почеркомъ съ титлами. Лѣтопись сія сочинена прадѣломъ моимъ Андреемъ Степановичемъ Бѣлкинымъ; она отличается ясностію и краткостію слога, напримѣръ: 4-го Мая Снѣгъ. Тришка за грубость бить. 6-го Корова бурая пала. Сенька за пьянство бить. 8-го Погода ясная. 9-го Дождь и снѣгъ. Тришка за пьянство бить.... и тому подобное безо всякихъ размышленій. 11-го Погода я-

ная, пороша; затравилъ трехъ зайцевъ.— Осталь-
ныя 35 частей писаны разными почерками, боль-
шею частю такъ называемымъ лавочничкимъ, съ
титлами и безъ титловъ, вообще плодовито, несвя-
зно и безъ соблюдения правописанія; кой-гдѣ замѣ-
тна женская рука. Въ сіе отдѣленіе входягъ запис-
ки дѣда моего Ивана Андреевича Бѣлкина и бабки
моей, а его супруги, Евпраксіи Алексѣевны; также и
записки прикащика Горбовицкаго.

II. Лѣтопись Горохинскаго дѣячка. Сія любопыт-
ная рукопись отыскана мною у моего пotta, жена-
таго на дочери лѣтописца. Первые листы были вы-
драны, и употреблены дѣтьми священника на такъ
называемыя змѣи. Одинъ изъ таковыхъ упалъ по-
среди моего двора; я поднялъ его и хотѣлъ было
возвратить дѣтямъ, какъ замѣтилъ, что онъ былъ
исписанъ. Съ первыхъ строкъ увидѣлъ я, что змѣй
составленъ былъ изъ лѣтописи. Къ счастію, успѣлъ
спасти оставшееся. Лѣтопись сія, пріобрѣтенная мною
за четверть овса, отличается: глубокомысліемъ и
велерѣчіемъ необыкновеннымъ.

III. Изустныя преданія. Я не пренебрегалъ никакими извѣстіями; но въ особенности обязанъ многимъ Аграфенѣ Трифоновой, матери Авдея старосты, бывшей, говорятъ, любовницею прикащика Горбо-
вицкаго.

IV. Ревижскія сказки, съ замѣчаніями прежнихъ старостъ, касательно нравственности и состоянія крестьянъ.

Баснословныя времена — старость Трифонъ.

Основаніе Горохина и первоначальное населеніе онаго, покрыто мракомъ неизвѣстности. Темныя преданія гласятъ, что нѣкогда Горохино было село богатое и обширное, что всѣ жители онаго были зажиточны, что оброкъ собирали единожды въ годъ, и отсымали невѣдомо кому, на нѣсколькихъ возахъ. Въ то время все покупали дешево и дорого продавали. Прикащиковъ не существовало; старосты никого не обижали; обитатели работали мало, а жили пріпѣвающи, и пастухи стерегли стадо въ сапогахъ. Мы не должны обольщаться сею очаровательною картиною. Мысль о золотомъ вѣкѣ сродна всѣмъ народамъ и доказываетъ только, что люди никогда не довольны настоящимъ и по опыту имѣя мало надежды на будущее, украшаютъ невозвратимое минувшее всѣми цвѣтами своего воображенія. Вотъ что достовѣрно: село Горохино издревле принадлежало знаменитому роду Бѣлкиныхъ. Но предки мои, владѣя многими другими отчинами, не обращали вниманія на сюю отдаленную страну. Горохино пластило малую дань и управлялось старшинами, избираемыми народомъ на вѣчъ, мірскою сходкою называемой.

Въ теченіи времени родовые владѣнія Бѣлкиныхъ раздробились и пришли въ упадокъ. Обѣдневшіе внуки богатаго дѣда, не могли отвыкнуть отъ роскошныхъ своихъ привычекъ и требовали прежняго полнаго дохода отъ имѣнія, въ десять кратъ уже

уменышившагося. Грозныя предписанія слѣдовали одно за другимъ. Староста читаль ихъ на вѣчѣ; старшины витгѣствовали; міръ волновался—а господа, вмѣсто двойнаго оброка, получали скучныя отговорки и смиренныя жалобы писанныя на засаленной бумагѣ и запечатанныя грошемъ.

Мрачная туча висѣла надъ Горохинымъ—а никто обѣ ней и не помышлялъ. Въ послѣдній годъ властнованія Трифона, послѣдняго старосты, народомъ избраннаго, въ самый день храмового праздника, когда весь народъ или шумно окружалъ увеселительное зданіе (кабакомъ въ просторѣчіи именуемое), или бродилъ по улицамъ, обнявшись между собою и громко воспѣвая пѣсни Архипа Лысаго,—вѣхала въ село ямская крытая бричка, заложенная парою клячъ едва живыхъ: на козлахъ сидѣлъ оборванный жидъ—изъ брички высунулась голова въ картузѣ и казалось съ любопытствомъ смотрѣла на веселящіяся народъ. Жители встрѣтили повозку смѣхомъ и грубыми насмѣшками. (NB. Свернувъ трубкою возкрая одѣждъ, безумцы глумились надъ Ерейскимъ возницею и восклицали смѣхотворно: жидъ, жидъ, ѿшь свиное ухо!... *Лѣтопись дѣлака*). Сколь изумились они, когда бричка остановилась посреди села и когда пріѣзжій выпрыгнувъ изъ нес, повелительный голосомъ потребовалъ старосту Трифона. Сей сановникъ находился въ увеселительному зданіи, откуда двое старшинъ почтительно вывели его подъ руки. Незнакомецъ посмотрѣль на него грозно, подалъ ему письмо и велѣль читать оное немедлен-

но. Староста былъ неграмотенъ. Послали за Земскими Авдѣемъ. Его нашли не подалеку спящаго въ переулкѣ подъ заборомъ и привели къ незнакомцу. Но, или отъ внезапнаго испуга, или отъ горестнаго предчувствія, буквы письма, четко написанаго, показались ему отуманными и онъ не былъ въ состояніи ихъ разобрать. Незнакомецъ, старосту Трифона и Земскаго Авдѣя, съ ужаснымъ проклятіемъ отославъ спать, отложилъ чтеніе письма до завтрашняго дня и пошелъ въ приказную избу, куда жидъ понесъ за нимъ его маленькой чемоданъ.

Горохинцы съ изумленіемъ смотрѣли на сіе необыкновенное произшествіе; но вскорѣ бричка, жидъ и незнакомецъ были забыты; день кончился шумно и весело—и Горохино заснуто не предвидя что ожидало его...

Съ восходомъ утренняго солнца жители были пробуждены стукомъ въ окошки и призываніемъ на мірскую сходку. Граждане одинъ за другимъ явились на дворъ приказной избы, служившей вѣчевою площадью. Глаза ихъ были мутны и красны; лица опухлыя; они зѣвая и почесываясь смотрѣли на человѣка въ картузѣ, въ старомъ голубомъ каftанѣ, важно стоявшаго на крыльцѣ приказной избы—и старались припомнить себѣ черты его, когда-то ими видѣнныя. Староста и Земской Авдѣй стояли подъ него безъ шапокъ съ видомъ подобострастія и глубокой горести. «Всѣ ли здѣсь?» спросилъ незнакомецъ.—«Всѣ ли-ста здѣсь?—повторилъ староста.—Всѣ-ста,

отвѣчали граждане, а староста объявилъ, что отъ барина получена грамота и приказалъ Земскому прочесть ее во усышианіе міра. Авдѣй выступилъ и громогласно прочелъ слѣдующее: (NB. Сю грозновѣщую грамоту списалъ я у Трифона Старосты; у него же хранилась она въ кивотѣ вмѣстѣ съ другими памятниками владычества его надъ Горохинимъ.)

Трифонъ Ивановъ!

Вручитель письма сего повѣренный мой ** ъдетъ въ отчину мою село Горохино, для поступленія въ управлениe онаго. Немедленно по его прибытіи собрать мужиковъ и объявить имъ мою барскую волю, а именно: приказаній повѣренного моего ** имъ мужикамъ слушаться какъ моихъ собственныхъ, и все че-го онъ потребуетъ, исполнять безпрекословно; въ противномъ случаѣ имѣетъ онъ ** поступать съ ними со всевозможной строгостію. Къ сему понудило меня ихъ безсовѣстное непослушаніе и твое, Три-фонъ Ивановъ, плутовское потворство.

Подписано: N. N.

Тогда ** растопыря ноги на подобіе хера и под-боченясь на подобіе ферта—произнесъ слѣдующую краткую и выразительную рѣчъ: «Смотрите-жъ вы у меня, не очень умничайте—вы я знаю, народъ избалованный, да я небось, выбью дурь изъ вашихъ головъ, скорѣе вчерашняго хмѣля.» Хмѣля уже не было ни въ одной головѣ и Горохинцы какъ гро-

момъ пораженные, повѣсили носы и съ ужасомъ разошлись по домамъ.

Правленіе прикащика **.

** принявъ бразды правленія онъ потребовалъ опись крестьянъ, раздѣлилъ ихъ на богачей и бѣдныхъ и приступилъ къ исполненію своей политической системы,—она заслуживаетъ особенного разсмотрѣнія:

Главнымъ основаніемъ оной была слѣдующая аксіома: чѣмъ мужикъ богаче, тѣмъ онъ избалованнѣе; чѣмъ бѣднѣе тѣмъ смиреннѣе.—Въ слѣдствіе сего ** старался о смирности вотчины, какъ о главной крестьянской добродѣтели. 1) Недоимки были разложены на всѣхъ зажиточныхъ мужиковъ и взыскиваемы съ нихъ со всевозможною строгостю. 2) Недостаточные и празднолюбивые гуляки были нечелленно посажены на пашню; если же по его расчетамъ трудъ ихъ оказывался недостаточнымъ, то онъ отдавалъ ихъ въ батраки другимъ крестьянамъ, за что сіи платили ему добровольную дань; а отдаваемые въ холопство имѣли полное право откупаться, заплатя сверхъ недоимокъ двойной годовой оброкъ. Всякая общественная повинность падала на зажиточныхъ мужиковъ. Рекрутство же было торжествомъ корыстолюбивому правителью; ибо отъ онаго по очереди откупались всѣ богатые мужики, пока иаконецъ выборъ не падаль на негодяя или разо-

ренного. Мірскіе сходки были уничтожены. Оброкъ собираль овъ понемногу и круглый годъ сряду. Мужики кажется платили и не слишкомъ болѣе противу прежняго, но никакъ не могли ни наработать, ни накопить достаточно денегъ. Въ три года Горохино совершено обнищало. Горохино пріуныло, базаръ запустѣль, пѣсни Архипа Лысаго умолкли; ребятишки пошли по міру и день храмоваго праздника сдѣлался по выраженію лѣтописца не днемъ радости и ликованія, но годовщиною печали и поминанія горестнаго.

Донесеніе Горохинскаго старосты.

Посадиль окаянный прикащикъ Антона Тимофеева въ желѣзы, а старикъ Тимоѳеевъ сына откупилъ за 100 руб., — а прикащикъ заковалъ Петрушку Еремѣева, и того откупилъ отецъ за 68 руб., и хотѣль окаянный сковать Леху Тарасова, но тотъ убѣжалъ въ лѣсъ — и прикащикъ о томъ весьма крушился и свирѣпствовалъ во словесахъ — а огвезли въ городъ и отдали въ рекрутъ Ваньку пьяницу.

Времена историческія.

Страна (Горохинъимъ называемая по имени столицы своей, — число жителей простирается до 63 душъ) занимаетъ на земномъ шарѣ болѣе 240 десятинъ. Къ Сѣверу граничитъ она съ деревнями Дериуховыми и Переуховыми (коего обитатели бѣд-

ны и малорослы, а владѣльцы преданы воинственному упражненію заячьей охоты). Къ Югу рѣка Сивка отдаляетъ ее отъ владѣній Каравеевскихъ вольныхъ хлѣбонащцевъ—сосѣдей беспокойныхъ, известныхъ жестокостю нравовъ. Къ Западу облегаютъ его цвѣтущія поля Захаринскія, благоденствующія подъ властію мудрыхъ и просвѣщенныхъ помѣщиковъ. Къ Востоку примыкаетъ она къ дикимъ необитаемымъ мѣстамъ, къ непроходимому болоту, гдѣ произрастаетъ одна клюква, гдѣ раздается лишь однобразное кваканье лягушекъ и гдѣ суевѣрное преданіе предполагаетъ бытъ обиталищу иѣкоего бѣса.

NB. Сіе болото называется *Бѣсовскіи изб.* Разсказываютъ, будто одна полу-умная пастушка стерегла стадо свиней не далече отъ сего мѣста. Она сдѣлалась беременною и никакъ не могла удовлетворительно объяснить этого случая; гласъ народный обвинилъ болотнаго бѣса, — но сія сказка не достойна вниманія Историка и послѣ Нибура не простиительно было бы кому ей вѣрить.

Издревле Горохино славилось своимъ плодородiemъ и благораствореннымъ климатомъ. На тучныхъ его нивахъ рожь, овесъ, ячмень и гречиха. Березовая роща и еловой лѣсъ снабжаютъ обитателей деревами и валежникомъ, на постройку и отопку жилищъ. Нѣть недостатка въ орѣахъ, въ клюквѣ, брусникѣ и чернике. Грибы произрастаютъ въ необыкновенномъ количествѣ; изжаренные

въ сметанѣ представляютъ пріятную, хотя и нездоровую пищу. Прудъ наполненъ карасями; а въ рекѣ Сивкѣ водятся щуки и налимы.

Обитатели Горохина, большою частію росту средняго, сложенія крѣпкаго и мужественнаго; глаза ихъ сѣрые, волосы русые или рыжіе. Женщины отличаются носами поднятymi нѣсколько вверхъ, выпуклыми скулами и дородностію.

NB. *Баба здоровенная.* Сie выраженіе встрѣчается часто въ примѣчаніяхъ старости къ ревижскимъ сказкамъ.

Мужчины доброинравны, трудолюбивы (особенно на свой пашнѣ), храбры, воинственны. Многіе изъ нихъ ходятъ одни на медвѣдя и славятся въ околодкѣ кулачными бойцами; всѣ вообще склонны къ чувственному наслажденію пьянства. Женщины, сверхъ домашнихъ работъ, раздѣляются съ мужчинами большую часть ихъ трудовъ и не уступаютъ имъ въ отважности; рѣдкая изъ нихъ боится старости. Они столь же цѣломудренны какъ и прелестны; на покушенія дерзновеннаго, отвѣчаютъ сурово и выразительно.

Жители Горохина издавна производятъ обильный торгъ лыками, лукошками и лаптями. Сему способствуетъ река Сивка черезъ которую весною перевозятся они на членокахъ подобно древнимъ Скан-

динавамъ, а проче время года переходятъ въ бродъ, предварительно засучивъ нижнее платье до колѣнъ.

Языкъ Горохинскій есть рѣшительно отрасль Славянскаго, но столь же разнится отъ него какъ и Русскій. Онъ исполненъ сокращеніями и усъченіями — иѣкоторые звуки вовсе въ немъ уничтожены, или замѣнены другими. Однакожъ Русскимъ легко понять Горохинца и обратно.

Мужчины женятся обыкновенно на 13 году, на дѣвицахъ 20 лѣтнихъ. Жены били своихъ мужей въ теченіи четырехъ или пяти лѣтъ. Послѣ чего мужья уже начинали бить женъ; и такимъ образомъ оба пола имѣли свое время власти, и равновѣсіе было соблюдено.

Обряды похоронъ происходили слѣдующимъ образомъ: въ самый день смерти покойника относили на кладбище, дабы мертвый въ избѣ не занималъ напрасно лишняго мѣста. Отъ сего случалось, что къ неописанной радости родственниковъ, мертвѣцъ чихалъ или зѣвалъ, въ ту самую минуту какъ его выносили въ гробъ за околицу. — Жены оплачивали мужьевъ воя и приговаривая: « Свѣтъ, моя удалая головушка! на кого ты меня покинулъ? чѣмъ-то мнѣ тебя поминати? » — При возвращеніи съ кладбища начиналась тризна въ честь покойника; и родственники и друзья бывали пьяны два, три дня, или даже цѣлую недѣлю, смотря по усердію

и привязанности къ его памяти. Сии древніе обряды сохранились и понынѣ.

Одежда Горохинцевъ состояла изъ рубахи, надѣваемой сверхъ нижняго платья, что есть отличительный признакъ ихъ Славянскаго происхожденія. Зимою носили они овчанные тулупы, но болѣе для красы нежели изъ настоящей нужды, ибо тулупъ обыкновенно надѣвали они на одно плечо и сбрасывали при малѣйшемъ трудѣ, требующемъ движенія.

Науки, искусства и поэзія, издревле находились въ Горохинѣ въ довольно цвѣтущемъ состояніи. — Сверхъ священника и церковныхъ причетниковъ всегда водились въ немъ грамотѣ. Лѣтопись упоминаетъ о Земскомъ Терентии, жившемъ около 1767 года, умѣвшемъ писать не только правою, но и лѣвою рукою. Сей необыкновенный человѣкъ прославился въ околодкѣ сочиненіемъ всякаго рода писемъ, члобитныхъ, партикулярныхъ паспортовъ и т. п. Неоднократно пострадавъ за свое искусство, услужливость и участіе въ разныхъ замѣчательныхъ происшествіяхъ, онъ умеръ уже въ глубокой старости, въ то самое время, какъ пріучался писать правою ногою; ибо почерки обѣихъ рукъ его, были уже слишкомъ извѣстны. — Онъ играетъ (какъ читатель увидитъ послѣ), важную роль и въ исторіи Горохина.

Музыка была всегда любимое искусство образованыхъ Горохинцевъ; балалайка и волынка услаж-

дая чувства и сердце, понынѣ раздаются въ ихъ жилищахъ, особенно въ древнемъ общественномъ зданіи, украшенномъ ёлкою.

Поэзія нѣкогда процвѣтала въ древнемъ Горохинѣ. Донынѣ стихотворенія Архипа Лысаго сохранились въ памяти потомства. Приведемъ въ примѣръ сіе сатирическое стихотвореніе:

Ко боярскому двору
Акимъ староста идетъ,
Бирки въ пазухѣ песять,
Боярину падаетъ;
А бояринъ смотрить,
Ничего не смыслить.
Ахъ ты староста Акимъ
Обокралъ бояръ кругомъ,
Село по міру пустыль,
Старостику падарилъ.

Въ нѣжности не уступать они эклогамъ извѣстнаго Виргилия; въ красотѣ воображенія, далеко превосходягъ они идилліи г. Сумарокова. И хотя въ щеголеватости и уступаютъ новѣйшимъ произведеніямъ нашихъ музъ, но равняются съ ними затѣйливостію и остроуміемъ.

Образъ правленія въ Горохинѣ нѣсколько разъ измѣнялся. Оно поперемѣнно находилось подъ властью старшинъ, выбранныхъ міромъ; прикащиковъ, назначенныхъ помѣщикомъ и наконецъ непосредственно подъ рукою самихъ помѣщиковъ. Выгоды

и невыгоды сихъ различныхъ образовъ правленія, будутъ развиты мною, въ теченіи моего повѣст-вованія.

Познакомя такимъ образомъ моего читателя съ этнографическимъ и статистическимъ состояніемъ Горохина и со нравами и обычаями ея обитателей, приступимъ теперь къ самому повѣствованію. . . . .

А. Пушкинъ.

